

ЕВРАЗИЙСТВО

(ОПЫТ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ИЗЛОЖЕНИЯ)

ЕВРАЗИЙСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
1926 г.

II

О НЕКОТОРЫХ НЕОБХОДИМЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ИСТИННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Необходимо критически оглянуться на традиционные взгляды, которые частью являются и лишь предрассудками.

Новая эпоха предполагает и новую установку сознания, видение того, что прежде оставалось в тени, переоценку старого и в связи со всем этим новую терминологию. Чтобы заново жить и что-нибудь понимать в новой жизни, нужно переучиваться и прежде всего непредвзято, критически относиться к обветшавшей традиции, внимательно прислушиваясь к нарождающемуся. Конечно, вздор, будто есть какая-то «буржуазная» наука, которую надо заменить пролетарской, вздор не только потому, что нет ни малейших признаков появления «пролетарской», но и потому, что все выдающее себя за такую оказывается не чем иным, как плохо и наивно усвоенными *элементами* прежней. Но прежняя-то несомненно переживает кризис. Этот кризис науки и научного мирозерцания, прикрытый ныне действительно блестящими успехами техники, начался уже давно — вместе с упадком великих фило-

софских систем XIX в., с «убыванием души» европейской культуры. Заключается он в *исчезновении органически синтезированных идей, в замене органического единства внешним и механическим*, что и сказывается, с одной стороны, в скептическом релятивизме и специализации, с другой — в безнадежных попытках объяснить все явления по типу механических связей и материального бытия. Весьма естественно и понятно, что в то самое время, как само научное мировоззрение начинает уже превозмочь наивный материализм, появившийся как упрощение идеалистической философии и восторжествовавший как реакция на ее отвлеченность, популярная литература с особенным увлечением *выдает за науку все уже обличенное в ненаучности*, в частности — материализм, дарвинизм, социализм. Настоятельно необходимо хотя бы самое малое научное и критическое сомнения. Превозмогая человеческую склонность верить словам и авторитетам, надо задать себе самый простой и естественный вопрос: точно ли наука то, что выдают, а частью и считают за науку люди, научно не квалифицированные, научных открытий не сделавшие, даже развитию техники не способствовавшие, вроде называющих себя «научными» социалистами, но годных лишь в объекты науки полуинтеллигентов? Человек, желающий обладать научным мировоззрением, *должен и относиться к нему научно, т. е. критически*. Если же материалистически-социалистическая идеология *кажется* благоприятною для угнетенных, так простой расчет должен побудить к вопросу, *нет ли другой идеологии, не менее, а может быть и более благоприятной, но наивно истинной, ибо, если социалистическая ошибочна, так ее посулы все равно ни к чему не приведут*.

В этом изложении мы, само собой разумеется, не можем задаваться целью исчерпать и объяснить основы нового научно-философского миросозерцания. Тем не менее для того, чтобы сделать дальнейшее изложение и нашу терминологию более доступными, мы должны предпослать несколько общих замечаний.

Основному понятию старого миросозерцания, понятию отъединенного и замкнутого в себе социального атома, мы противопоставляем *понятие личности, как живого и органического единства многообразия*; понятию механической связи и внешней, отвлеченной системы — *понятие органического*

В противовес позитивным и мнимонаучным предпосылкам надо выдвинуть основоположное понятие личности, не только индивидуальной, а и

единства или — вернее и точнее — *единства личного*. Личность — *такое единство множества* (ее состояний, проявлений и т. д.), *что ее единство и множество отдельно друг от друга и вне друг друга не существуют*. В самом деле, *нет личного сознания и личности вне ее мышления, хотения и других ее состояний, и нет личного состояния, которое не было бы проявлением самой личности и не связывалось бы со всеми прочими ее состояниями*. Личность — *единство множества и — множество единства*. Она — *всеединство*, внутри которого нет места внешним механическим и причинным связям, понятие которых уместно и удобно лишь в применении к познанию материального бытия.

симфонической или
соборной.

Вместе с тем мы признаем реальностью не только индивидуальную личность (которая по существу то своему вовсе не только «индивидуальная»), а и социальную группу, и притом не только «сословие» и «класс», как это делают и марксисты, но и народ, и субъект культуры (например — культуры русско-евразийской, охватывающей многие народы, культуры европейской и т. д.), и человечество. Заменяя понятие внешней связи, понятием связи органической или личной, мы считаем и называем их личностями, но в отличие от индивидуумов личностями соборными или симфоническими. Поэтому такие, являющиеся в системе марксистского мирозерцания неуместными и все же неустранимыми метафорами, выражения, как — «классовое» или «народное» «сознание», «мирозерцание», «желания», «стремления», «идеология» «класса» или «народа» и т. п., для нас соответствуют реальности и точно ее описывают. Говоря несколько упрощенно, симфоническая личность отличается от индивидуальной тем, что ее множество есть не множество стремлений, состояний и т. д., но — множество самих индивидуальных личностей или — для высших симфонических личностей (напр. народа, человечества), — множество личностей симфонических (напр. — социальных групп, народов). Этим объясняется более резкая противопоставленность ее моментов (индивидуумов) в ее не связанном с индивидуальным телом единстве. Симфоническая личность не пространство и среда, содержащие в себе, как вода рыб, индивидуальные личности, но — сами они в их единстве. Таким образом то, что мы называем индивидуумом, вовсе не только ограниченная в себе и отграниченная от других ин-

дивидуальная личность, а в значительной мере еще и — им лишь индивидуализуемые — симфонические личности. Эмпирически симфоническая личность, как, впрочем, и личность индивидуальная, всегда несовершенна. Ее единство эмпирически полноты не достигает, сказываясь во взаимообщении и взаимопознании индивидуумов, в частности — и в таких явлениях, как обучение, воспитание, соединение их в увлеченности общему идею и т. п. Все это объяснимо только на основе здесь лишь намечаемого учения о личности, которое избавляет историка или социолога от необходимости строить свою науку не на фактах, а на метафорах. Даже реальность и достоверность самого знания можно показать и доказать лишь на почве формулируемого нами учения, как оно же позволяет преодолеть непонятность факта причинной связи. Собственно говоря, оно является не чем иным, как простым обобщением ряда специальных выводов, к которым привели современная философия и современная наука. Для дальнейшего нашего изложения следует заметить, что эмпирически единство симфонической личности сказывается в согласованности или соборном единстве составляющих ее симфонических же и индивидуальных личностей, каковое единство индивидуальности своих моментов не уничтожает, но ее обнаруживает и раскрывает. Поэтому мы и пользуемся термином «соборная» или «симфоническая» (т. е. согласованная, хоровая) личность. Эмпирическое несовершенство такой личности и сказывается как раз в том, что согласованность ее не вполне достигнута и достигается часто путем ожесточенной взаимной борьбы составляющих ее личностей, народов, групп, индивидуумов.

Учение о личности (просопология) является *первою предпосылкою* для правильного и полного понимания той евразийской идеологии, уяснению и развитию которой посвящено данное изложение. *Вторая предпосылка* относится к области религиозной и вытекает из самого существа дела. Ведь мы должны найти идеологию не предположительную и потому «может быть, и ошибочную», а *несомненно истинную*, по крайней мере — в *основных, исходных идеях*. Не стоит искать и строить идеологию, которая при попытках ее осуществить может привести к разрушительным для жизни потрясениям и так же бесславно и трагикомически обнаружить свою ложность, абстрактность и бессилие, как уже обнаружила все это материа-

С другой стороны, «абсолютно» несомненная идеология может исходить только из «абсолютной» истины, а «абсолютное» — то же самое, что «реальное».

листически-социалистическая теория. Не стоит, с другой стороны, трудиться и над идеологией, которая окажется недействительной или оправдывающей лишь нудное приспособление к серой действительности. Нам *необходима идеология, которая бы одушевляла пафосом вечного, абсолютно ценного, властно призвала к абсолютно оправданной деятельности и была несомненно, т.е. абсолютно обоснованною в своих истоках.* Но найти абсолютное основание чего либо значит найти основание это не в чем либо частном, не в интересах какого-либо индивидуума, отдельной социальной группы, отдельного класса, народа, культуры, но в целом. Это значит найти основание идеологии в человечестве и мире и даже более — прежде всего в том, что обуславливает человечество и мир. Человечество же и мир обусловлены уже «не обусловленным» или абсолютным, которое составляет предмет действенной религии и религиозной философии. Эту мысль необходимо ясно и глубоко осознать — прежде всего *затем, чтобы не смешивать подлинно-религиозного с мнимо-религиозным.* Подлинно-религиозно то, что действительно относится к самому абсолютному, а не то, к чему я отношусь так, как должен бы был относиться к абсолютному. Считаю идола Богом и относясь к нему, как к Богу, человек еще очень далек от Богопочитания. Так, например, коммунисты верят в свою теорию, как в религиозную истину, т.е. в истину, связанную с самим Богом. Их вера, которую они по недоразумению и по слабому своему умственному развитию называют научным убеждением, объясняет их пафос и необычайную их энергию. Но так как абсолютным или Богом они считают идола, т.е. человеческую выдумку, вера их есть вера мнимо-религиозная и не устоит перед верою религиозно подлинною. *Коммунизм, который представляет собою самый зрелый плод всего материалистического мирозерцания и самое последовательное развитие материалистического социализма, есть вера.* Ибо коммунизм верит в опровергнутый наукою материализм, верит в необходимость прогресса и своего торжества, верит в гипотезу классового строения общества и миссию пролетариата. Он — вера, ибо одушевляет своих сторонников религиозным пафосом и создает свои священные книги, которые, по его мнению, подлежат только истолкованию, но не критике, своих святых и подобную церковной организацию. Но он — *внутренне противоречивая вера, ибо, вопреки своим утвержде-*

Религиозное не
следует смешивать
с мнимо-религиоз-
ным. — например,
коммунизмом

ниям, он не ждет терпеливо результатов необходимого процесса, но пытается насильственно осуществить свои цели и ведет *идеологическую* борьбу. Наконец, он — *вера ложная*, ибо, слепо веруя в науку, он верит в опровергнутое наукою же и ничем не доказанное, и *вредная*, ибо осуществляет себя путем самого жестокого насильничества.

Мы настаиваем на правильности наименования коммунизма верою, и употреблять слово «вера» не боимся, а для себя не считаем его унижительным. Напротив, унижительным для человека мы считаем, когда он называет свою веру наукою и, рассуждая о науке и вере, не понимает ни той ни другой. Ибо это — тоже лишь порожденный заблуждениями западной науки предрассудок, будто вера и наука — две независимые друг от друга и даже взаимно враждующие области. Нет веры без науки, и нет науки без веры. *Истинная вера содержит в себе всю науку со всеми ее исканиями и сомнениями. В основах своих вера не меньше, а больше, чем наука, обоснована.* Ведь для того, чтобы признать истины веры субъективными выдумками, надо *предварительно* признать, что абсолютного или Бога *абсолютно* нет или что абсолютное отделено от человека и ему *абсолютно* недоступно. Но не говоря уже о том, что утверждение *абсолютного* несуществования Бога или *абсолютной* его недоступности возможно только, если есть нечто «абсолютное», — указанное «предварительное признание» нуждается в каких-то доказательствах. Мыслящий и добросовестный человек не может не признать своей обязанности свои утверждения доказывать. Однако мы от него таких доказательств не будем и спрашивать, ибо православная христианская вера как раз из того и исходит, что *Божество с человечеством соединено и только потому человечеству ведомо и доступно.* Иначе христианство не было бы религией Богочеловечества.

Итак, *если мы хотим найти идеологию, в основаниях своих абсолютно истинную, абсолютно несомненную, мы должны искать эти основания в религии, в религиозной вере.* Отказываясь от религиозной веры, мы обрекаем себя либо на серый оппортунизм и даже индифферентизм, либо на опасное экспериментирование — на испытание гадательных идеологий путем попыток их осуществления в надежде, что какая нибудь из них в конце концов окажется не губительною, а

Религия, не будучи верою, не исключает науки и не противоречит ей, а ее обосновывает.

В религии истинной надо искать основания несомненно истинной идеологии, которую и

необходимо противопоставить идеологию коммунизма, основанной на мнимой религии

Истинная религия — православное христианство. Оно не аскетично в смысле отрицания мира и деятельности и

требует своего выражения в идеологии.

плодотворною. Рассуждая же чисто практически, *нельзя надеяться на преодоление коммунизма, если религиозной, хотя и мнимой вере коммунистов и их мнимо-религиозному одушевлению не будет противопоставлена другая вера, и можно надеяться на верную победу лишь в том случае, если новая вера, новая идеология будет подлинною и несомненно истинною.* В случае же естественной или насильственной смерти коммунистической партии, нельзя без религиозной веры и религиозного одушевления рассчитывать на то, что жизнь развернет всю свою полноту и потенциальную энергию. Грубо говоря, *надо противопоставить идеологии коммунистов идеологию не менее, а более ценную.*

Против этого практического соображения могут выдвигнуть два возражения. Во первых, станут указывать на то, что *будто бы христианская религия аскетична*, отрицая эмпирическую деятельность во имя спасения души и загробной жизни. Но — это предвзвудок, возникший на почве еретического католического христианства и на почве невежества русских людей, которые и русское-то православие понимают по католически. На самом деле, усматривая высшую форму христианской жизни в христианском самоотречении и частью и в монашеском аскетизме, Православие признает эту форму приемлемою лишь для немногих избранных и связывает с особым служением человечеству. Тут столь же мало мироотрицания и даже еще меньше, чем в признаваемой всяким разумным правительством и всяким разумным человеком необходимости освобождать ученого от *обязательного* физического труда, а рабочего от *обязательного* решения уравнений с тремя неизвестными или изучения «Капитала». Что касается эмпирической деятельности, так *Православие провозглашает как раз ее необходимость*, признавая ее ценность и ее включенность в «царство Божие», спасение же души мыслит, как усовершенствование ее путем жизнедеятельности и в самой жизнедеятельности. Царство Божие осуществляется в мире; мир входит в него и в нем не исчезает, а преобразается. Надо только проводить различие между Церковью и грешными людьми, которые ошибочно себя с нею отождествляют, хотя и входят в нее лишь частично.

Второе возможное возражение сводится к упреку в использовании религиозной веры и Церкви, как средства, т.е. — к

фактическому отрицанию за религиею абсолютного смысла и значения и, значит, к самопротиворечию. Но и этот упрек покоится на недоразумении. Мы вовсе не пытаемся обосновать данную идеологию религией, но в религии находим основы идеологии или — выводим идеологию из религии потому, что сама религия требует от нас ее идеологического и действительного раскрытия. Поэтому фактически мы резко ограничиваем нашу позицию от позиции, например, монархистов-реставраторов, для коих без их политической доктрины (самодержавия) нет и Православия. Стремлением подчинить религию и Церковь политике в значительной мере объясняются упадок церковно-религиозного сознания и появление *мнимых религий* (атеизма, материализма, социализма) в русском обществе и народе уже задолго до революции.

Итак из абсолютно несомненных истин религии, т. е. — русской православной веры, происпекают основы истинной идеологии. Идеология же эта, будучи смыслом и существом конкретной действительности, *раскрывается в систему и программу*, объясняющие совершающееся и дающие *правильный путь к сознательно-волевому воздействию на него*. Таким образом путь от идеи к жизни совпадает с путем от веры к жизни; и осуществляющая идеологию жизнь становится *опытною проверкою идеологии*, ибо, как уже указано, и обратный путь от жизни или осмысление жизни приведет к той же идеологии и, следовательно, к вере. Последнее обладает для нас большим практическим значением. — Мы должны кратко коснуться некоторых положений Православия, и раскрыть нашу идеологию, из него исходя и на него опираясь. С другой стороны, мы очень хорошо понимаем, на какие затруднения и на какую толщу предубеждений наталкивается наш замысел. Приходится считаться и с поразительным невежеством большинства русских людей в области православной веры, и с воспитанным десятилетиями религиозным индифферентизмом, и с укоренившеюся отчасти под влиянием Запада *«религиозною»* позитивизма, материализма и атеизма, и с ненавистью к старому режиму, переносимую на Церковь, которую он пытался превратить в орудие своей политики. Многие искренно верующие люди ислугаются смешения веры с политикой и насторожатся при мысли, что мы хотим оправдывать и обожать греховно-эмпирическое бытие, хотя мы самым строгим обра-

Эта идеология **выдерживает жизненную проверку, как конкретная,**

почему возможна
общая деятель-
ность даже с не-
религиозными, по-
чутыми к требо-
ваниям жизни людь-
ми.

вом отличаем Божественное от тварного и совершенное от греховно-эмпирического. Другие успокоятся на ленивом сомнении в том, что вера и практическая деятельность нерасторжимы; и таким образом верующие люди сойдутся со считающими себя ни во что не верующими на одном предвзятом нежелании вникнуть в дальнейшее изложение. Мы знаем, что многие даже верующие люди *еще не доросли* до сознания единства веры и деятельности, что еще больше людей, *не доросших* до религиозного сознания. Но мы уверены, что с теми, кто *вникает в русский революционный процесс и непредвзято его переживает и осмысляет*, мы найдем общий язык и столкнемся на почве конкретной программы. Пусть для них она будет достаточным и последним, а для нас — выводом из высшего; пусть они, по нашему мнению, слишком к себе не требовательны, а мы, по их мнению, метафизики *Мы идем от идеи к жизни. они идут от жизни к идее, но иде то посредине мы с ними встречаемся, находя и общую почву и общее дело.* Ради этого дела мы просим у них внимания и готовы даже освободить их от чтения следующих двух отделов.